

РЕЦЕНЗИИ

М. О. Акишин

АМЕРИКАНСКИЙ ИСТОРИК О ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ

В монографии Н. Коллманн «Преступление и наказание в России раннего Нового времени» (2016) проведено социологическое исследование судебной практики по делам о «ворах и лихих людях» XVII — начала XVIII в. Социология права — господствующий тип правопонимания в англосаксонской правовой семье, но в романо-германской, к которой относится и Россия, доминирует нормативистский тип правопонимания. Этот культурный барьер Н. Коллманн не был преодолен, что обусловило досадные ошибки, но в то же время и несомненные достоинства ее исследования. Среди недостатков следует, во-первых, назвать отсутствие определения тех правонарушений, которые она относит к уголовным преступлениям, ведь современная юридическая конструкция уголовного права появляется только в эпоху Просвещения. Во-вторых, по Н. Коллманн, княжеские и царские узаконения соответствуют признакам современного нормативно-правового акта, между тем современные понятия закона и законности появляются в России только в эпоху Петра Великого. В-третьих, характеристика состязательной и розыскной форм процесса не соответствует общепризнанным в науке процессуального права теоретическим подходам. К несомненным достоинствам исследования Н. Коллманн относится прежде всего то, что в ее исследовании охарактеризованы взаимоотношения власти и общества в противодействии «ворам и лихим людям», участие местных сообществ в проведении следствия и суда. Она выступила с обоснованной критикой абсурдной гипотезы Е. В. Анисимова о произволе и зверской жестокости, якобы характерных для России. Напротив, Н. Коллманн приходит к выводам о том, что право и правоприменение в России соответствовали общеевропейскому уровню, обладали свойством правовой определенности, поскольку «судьи следовали предписанным судебным процедурам и наказаниям; практика уголовного законодательства была постоянной и непротиворечивой». Соответствовало правосудие России XV — начала XVIII в. и принципу справедливости, его реализация позволяла «местным сообществам получать защиту от преступности». Библиогр. 22 назв.

Ключевые слова: Россия раннего Нового времени, *воры и лихие люди*, розыскной процесс, наказания.

Для цитирования: Акишин М. О. Американский историк о правовой культуре России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 910–919. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.416>

Акишин Михаил Олегович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Новосибирский государственный университет, Российская Федерация, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2; akishin-mo@yandex.ru

Akishin Mikhail Olegovich — Doctor in History, Senior Researcher, Novosibirsk State University, 2, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; akishin-mo@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

AN AMERICAN HISTORIAN ON THE LEGAL CULTURE OF RUSSIA

In the monograph of N. Kollmann, "Crime and punishment in Russia of early modern time" (2016) is a sociological study of the judicial practice in cases of "thieves and wicked people" of the 17th and beginning of the 18th centuries. Sociology of law is the dominant type of law in Anglo-Saxon legal family but to the Romano-Germanic legal family, which includes Russia, the dominant is the normativity type of law. This cultural barrier has not been overcome by N. Kollmann, which resulted in annoying errors, despite the undoubted merits of her research. Among the weaker points is, at first, to highlight the lack of definition of those offences which it considers to be criminal offences. The modern legal construction of criminal law only appears in the Enlightenment. Second, N. Kollmann does not understand that the acts of lawmaking by princes and the king do not match the characteristics of a modern regulatory act, the modern concept of law and the rule of law appear in Russia in the epoch of Peter the Great. Third, the characteristics of adversarial and investigative process forms are not generally recognized in the theoretical approaches to the science of procedural law. However, a study in N. Kollmann, has undoubted advantages. She described relations between the authorities and society in counteracting "thieves and desperate people". Its merit is the criticism of E. Anisimov's absurd hypothesis of the arbitrariness of supposedly typical for Russia. On The Contrary, N. Kollmann, comes to reasonable conclusions about how law and law enforcement in Russia corresponded to the level of Europe, possessed the property of legal certainty: "the judge followed the prescribed judicial procedures, and punishments; the practice of criminal law has been a constant and consistent". Refs 22.

Keywords: Russia in early modern times, "thieves and evil people", the investigative process, punishment.

For citation: Akishin M. O. An American historian on the legal culture of Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 4, pp. 910–919. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.416>

Цели исследования Н. Коллманн «Преступление и наказание в России раннего Нового времени» (М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.) крайне амбициозны. С одной стороны, она намеревается поместить правовую культуру «России в компаративный контекст Европы раннего Нового времени, пытаясь увидеть российскую историю как часть общеевропейского континуума раннего Нового времени и "нормализовать" ее». С другой — использует «исследовательский метод микроисторического подхода» с целью «выйти за рамки генерализирующих обобщений о русском самодержавии и посмотреть на взаимодействие индивидов и сообществ с государством» [Коллманн 2016, с. 5].

Однако в своем исследовании уголовного права и процесса в России Н. Коллманн отказывается от методов юридической науки. В таком подходе нет чего-либо нового: стремление историков использовать историю права для выявления тенденций социального развития и духовного состояния общества уже вылилось в целое направление социальной истории. Большим авторитетом пользуется социология права в США. Но такой подход все же предполагает, что историк использует общепризнанные итоги правовых исследований как некую аксиому. Н. Коллманн их просто игнорирует, что приводит к целому ряду ошибок.

Во введении Н. Коллманн некорректно сформулировала предмет исследования. Она пишет: «Это исследование посвящено уголовному праву России... В книге анализируется, как суды разбирали дела о тяжких преступлениях (кража, разбой и убийство; государственные преступления)» [Коллманн 2016, с. 14]. Однако в странах романо-германской правовой семьи этого периода только возникали предпосылки для формирования отраслевой структуры законодательства. Док-

тринальное обоснование необходимости обособления уголовного права было дано только в 1764 г. в трактате Ч. Беккариа «Преступление и наказание». В основном тексте книги Н. Коллманн пытается скорректировать это упущение и определить свое понимание «области уголовного права». Она отмечает: «Процесс и наказание — это лучшие помощники для разграничения отраслей права в Московии. Можно выделить три взаимосвязанные области: правонарушения, преступления и преступления высшего порядка, которые ... включали в себя измену, мятеж и духовные преступления (колдовство и религиозный раскол)» [Коллманн 2016, с. 53]. Правонарушения, которые Н. Коллманн называет уголовными преступлениями, в Русском государстве конца XV — XVII вв. обозначались термином «воровство и лихое дело». В данном случае несомненен казуальный подход к праву, характерный для Средневековья. Можно также предположить, что противопоставление «воров и лихих людей» всем иным правонарушителям сложилось под влиянием юридической конструкции различия между *crimen* и *delictum*, созданной юристами Древнего Рима. Но к современным конструкциям уголовного права и составов уголовных преступлений эти подходы отношения не имеют.

О рамках исследования Н. Коллманн пишет: «Хронология книги охватывает период с XV в. до начала XVIII в.: законодательные кодексы появляются в середине XV в., а судебные дела сохранились лишь с начала XVII в.» [Коллманн 2016, с. 6]. Следует отметить, что ныне выявлена обширная судебная практика конца XV — первой половины XVI в., но при этом установлено, что она не соответствовала нормативным предписаниям Судебника 1497 г. К. В. Петров в связи с этим утверждает: «Судебник 1497 г. не обладает признаками нормативного правового акта» [Петров 2016, с. 296]. Несоответствие судебной практики царским узаконениям наблюдается и в последующем. В частности, в 1680 г. Расправная палата Боярской думы отменила приговор, аргументировав это тем, что он состоялся «по примером, а не по Уложению» [Седов 2006, с. 415].

Ошибка Н. Коллманн заключается в игнорировании проблемы соотношения источников (форм) российского права на протяжении конца XV — начала XVIII в. Общеизвестным в современной науке является положение о том, что понятие закона в современном смысле во всех странах формировалось исторически. В России такое понимание начало возникать в середине XVII в., но только в эпоху Петра Великого закон стал основной формой выражения права и был сформулирован принцип законности [Петров 2007, с. 80–83; Акишин 2010 с. 95–117].

Вызывают вопросы и географические рамки исследования. Изначально Н. Коллманн, видимо, намеревалась провести микроисторическое исследование по 128 судебным разбирательствам из Белозерского и Устюженского уездов и 100 разбирательствам из Арзамаса, Темникова, Кадома, Шацка, Нижнего Новгорода, Алатыря XVII — начала XVIII в. На этой основе ею был проведен фундаментальный социологический анализ судебной практики губных старост и воевод XVII — начала XVIII в., провинциальных судов 1720-х годов. Однако стремление к широким обобщениям привело Н. Коллманн к исследованию судебной практики на основе опубликованных источников иных регионов Русского государства, а это вызвало новые досадные ошибки. В частности, она пишет об «имперской экспансии» в Сибири. Читатель с удивлением узнает: «Новая династия Романовых (Михаил Федорович — 1613–1645 гг., Алексей Михайлович — 1645–1676 гг., Федор Алексе-

евич — 1676–1682 гг.) гигантски сместила пределы российской власти в Сибири» [Коллманн 2016, с. 26]. Действительно, в 1620–1640-х годах были присоединены территории Восточной Сибири, в 1649–1653 гг. — Приамурье. Но этот процесс был начат с завоевания Сибирского ханства в 1580–1590-х годах. Вызывают удивление фразы: «В деле 1610 г. Сибирский приказ распорядился...» (Сибирский приказ был создан в 1637 г.), «в 1701 г. нерчинский губернатор получил указ...» (Нерчинским уездом правил воевода, а не губернатор) [Коллманн 2016, с. 382, 102].

Думается, такие ошибки отчасти обусловлены слабым знакомством Н. Коллманн с российской историографией. Она, например, утверждает: «...Большая часть работ по истории русского права концентрировалась на изучении буквы закона, а не на его применении в жизни» [Коллманн 2016, с. 14]. Между тем судебная практика стала предметом исследования уже до революции (Ф. М. Дмитриев, К. М. Кавелин, В. А. Линовский, К. Троцин и др.). Особо отмечу сравнительно-правовое исследование Н. Гартунга об уголовном судопроизводстве [Гартунг 1868] и труд Н. Я. Новомбергского о «слове и деле государевом» в XVII в. [Новомбергский 2004], чрезвычайно близкие по проблематике к работе Н. Коллманн. Вне поля внимания Н. Коллманн остался и ряд исследований советского периода, включая работы Н. Е. Носова по истории губной и земской реформы [Носов 1957, 1969], Н. Б. Голиковой по судебной практике Преображенского приказа [Голикова 1957]. Непонятно, почему она проигнорировала труд М. А. Чельцова-Бебутова, который провел сравнительно-правовое исследование истории уголовного процесса во Франции, Германии, Англии и России, т. е. был предшественником Н. Коллманн в изучении проблемы [Чельцов-Бебутов 1995]. В современной историографии проблема исследования судебного правоприменения была поставлена в многотомном труде по истории судебной власти России, предназначенном для переподготовки кандидатов в судьи [Кутафин, Лебедев, Семигин 2003]. Ныне исследование судебной практики является общепринятым при изучении уголовного права и процесса России, в том числе и для рассматриваемого периода [Власов, Гончаров 1998; Петров 2014, с. 43–50; Акишин 2008, с. 340–365; 2016, с. 11–33].

Первая часть монографии Н. Коллманн носит название «Судебная культура». По мнению автора, развитие судоустройства и судопроизводства было следствием процесса укрепления суверенитета московских государей и централизации государства, этот процесс был сходен с процессами, происходившими в XV–XVII вв. во Франции, Англии, империи Габсбургов, Османской империи. Исследовательница утверждает: «Нет сомнений, что Московское царство было централизованной бюрократической империей» [Коллманн 2016, с. 38]. Заявление о том, что Московское царство представляло собой «бюрократическую империю» резко противоречит выводам отечественной историографии, рассматривающей Русское государство либо как «земскую», либо как сословно-представительную монархию, в которой происходит становление «служилой» бюрократии. Однако Н. Коллманн игнорирует эти теории. По ее мнению, «в отличие от Европы, где элиты, институты и исторические традиции сформировались в результате тесного исторического синтеза римского наследия, германских племенных структур и католической церкви, и от Османов, возглавивших сложно организованные общества Средиземноморья и Ближнего Востока, Москва распространила свою власть над восточнославянскими княжествами и степными народами, стоявшими на более низком

уровне политической организации» [Коллманн 2016, с. 45]. Этот тезис является, видимо, рудиментом того противостояния католиков, протестантов и православных, которое нашло отражение в сочинениях европейских путешественников по России XVI–XVII вв.

Думается, в контексте сравнительного исследования уголовного права и процесса было бы более продуктивно рассмотреть становление различий между современными романо-германской, англосаксонской и мусульманской правовыми семьями. Как и страны Европы, Русское государство испытало в период своего становления значительное влияние римского права. Но если в Европе это влияние осуществлялось с XI в. через памятники римского права, изучавшиеся в университетах, то на Руси римское право воспринималось непосредственно от церковных иерархов из Византии. Исследования политико-правовой мысли Руси X–XVII вв. свидетельствуют о том, что русские книжники знали латинский и греческий языки, переводили своды римского и византийского права, использовали римские юридические конструкции в сочинениях, правотворчестве и политической практике [Вальденберг 2006; Золотухина 1995].

Основой анализа судеоустройства Н. Коллманн является следующий тезис: «Московские государи... монополизировали криминальное право» [Коллманн 2016, с. 56]. Исследовательница констатирует: «Справедливость была важнейшим элементом политической легитимации: добрый царь должен был обеспечить справедливость и защитить свой народ от несправедливости... Соединение милости, справедливости и насилия обеспечивало легитимность в политической идеологии Московского государства» [Коллманн 2016, с. 8–9]. К сожалению, на этой декларации анализ полномочий царя и Боярской думы в судебной сфере заканчивается. Между тем эти полномочия были обширны. В 1681 г. обособилась Расправная палата при Боярской думе [Богоявленский 2006, с. 333–348; Седов 2006, с. 410–421].

По мнению Н. Коллманн, с конца XV в. «центральными пунктами судеопроизводства были приказы, часть которых обладала уголовной юрисдикцией», а «обычными преступниками на местах ведали воеводы (под надзором Разряда, который назначал их вместе с дьяками и подьячими) или губные избы (подчинявшиеся Разбойному приказу)». Кроме того, для расследования дел о злоупотреблениях местных властей и поимки беглых из приказов посылались «сыщики» [Коллманн 2016, с. 56–57, 60, 61]. Анализируя профессионализм персонала судов, она утверждает, что служилые по «отечеству», занимавшие должности судей приказов, воевод и губных старост, не обладали необходимыми юридическими познаниями. По ее мнению, «основой системы были дьяки и подьячие, поскольку они обладали профессиональной подготовкой» [Коллманн 2016, с. 78]. В характеристике этой группы Н. Коллманн воспроизводит свое понимание теории Н. Ф. Демидовой о «служилой» бюрократии [Демидова 1987]. Стоит отметить в связи с этим, что вспомогательный персонал суда включал находившихся на государевом жалованье приставов, недельщиков, рассыльщиков. Государство опиралось на местные сообщества в борьбе с нарушениями правопорядка. Значительная часть персонала суда (целовальники, губные дьячки, сторожа, палачи и бирючи) избиралась местными сообществами и осуществляла свои полномочия в качестве сословной повинности. Истцам в ведении дел способствовала вотчинная администрация, площадные подьячие и другие грамотные люди.

Проведя исследование «взаимодействия локальных сообществ с судом на этапах ареста и содержания под стражей», Н. Коллманн утверждает, что в Русском государстве, как и в Европе, поддержание правопорядка зависело «от сотрудничества с местным населением» [Коллманн 2016, с. 110]. Возбуждение большинства дел начиналось по челобитной потерпевшего. В выслеживании и задержании правонарушителей, доставке их в губные и воеводские избы участвовали дворяне, крестьянские и посадские выборные. Большую роль играли местные корпорации во взятии «порук» о подследственных. Здесь же автор анализирует проблему борьбы с коррупцией в суде, объясняя ее размах «личной взаимозависимостью между местными жителями и чиновниками, скудной оплатой труда, опорой на поддержку населения в содержании персонала, отсутствием сильных профессий (судейских, чиновничества), недостатком практик и институтов систематического надзора» [Коллманн 2016, с. 158]. Н. Коллманн считает, что при проведении следствия и суда использовались обвинительная и розыскная формы процесса. Обвинительный процесс она характеризует следующим образом: «Истец начинал дело; обе стороны представляли и отводили свидетелей и могли пойти на мировую. Судья играл роль честного маклера, выносившего решение по делу... Доказательства... в основном сводились к свидетельским показаниям или документам», принесению клятвы (крестоцелование) [Коллманн 2016, с. 160]. Для расследования тех правонарушений, которые Н. Коллманн относит к уголовным преступлениям, «воевода применял розыскной (инквизиционный) процесс», который охарактеризован следующим образом: «...В розыскной процедуре (“сыск”, “розыск”) центральной фигурой был судья...; в ней применялись пытки, чтобы добыть доказательства. В таком деле истец и ответчик не могли пойти на мировую, и это отражало примат государственных интересов над народными расчетами» [Коллманн 2016, с. 160–161]. При этом Н. Коллманн радикализирует крайне спорную гипотезу Дж. Вейкхарда, согласно которой розыскной процесс в Русском государстве появился в начале XVII в. благодаря заимствованиям из «Каролины». Исследовательница заявляет, что это произошло значительно раньше: «К концу XV столетия московские юристы из Посольского и других приказов установили связь с Европой и столкнулись с теми же проблемами, что сопровождали возрождение розыскного процесса в Европе» [Коллманн 2016, с. 163]. По ее мнению, уже «Судебник 1497 г. упоминает три ключевых элемента розыскного процесса: обыск (опрос местного населения судьями), свидетельство о репутации обвиняемого и пытка». Розыскная процедура развивается в Судебнике 1550 г. и губных грамотах. Далее она утверждает, что «на протяжении XVII в. к розыскной форме стали все чаще прибегать даже при незначительных преступлениях» [Коллманн 2016, с. 162–166].

Важно подчеркнуть, что Н. Коллманн игнорирует теорию типологии процесса, сложившуюся в науке процессуального права [Гартунг 1868; Голубицкий 2004; Фойницкий 1996; Чельцов-Бебутов 1995 и др.]. В ней общепринято положение о тесной связи процессуального права с уровнем развития общества и государства, правовой мысли. Теоретический анализ процессуального права стран континентальной правовой семьи позволяет выделить две основные формы процесса — состязательную и инквизиционную. Главная черта состязательности — пассивность суда, а инквизиционные начала связывают с собиранием самим судом доказательств для вынесения приговора, т. е. его активностью. Применение принципа историзма

и сравнительно-правового метода при сопоставлении форм процесса с исторической реальностью различных эпох и национальных правовых систем позволяет выделить отдельные виды процесса. Историческая эволюция состязательной формы привела к появлению двух ее видов — ранней обвинительной, знавшей применение пытки, и частно-исковой, возникшей в XVIII–XIX вв. Инквизиционной форме процесса соответствуют три вида: древний розыск, характерный для эпох, когда суд не был отделен от администрации; инквизиционная и следственная формы.

Н. Коллманн провела также исследование следственных действий, включая осмотр места происшествия, освидетельствование трупа или установление тяжести телесных повреждений, допрос свидетелей и проведение очных ставок, соби́рание справок о правонарушителе. Еще одним видом следственных действий был «повальный обыск» — опрос местного населения (каждого по отдельности) с целью сбора информации о подозреваемых. Община целиком несла ответственность за свидетельства в «повальном обыске»: если бо́льшая часть населения положительно характеризовала обвиняемого, по нему давалась «порука». Если же в дальнейшем его задерживали за совершение преступлений, то поручителей штрафовали или били кнутом.

Применение пытки предусматривалось Судебниками 1497 и 1550 гг., Соборным уложением 1649 г. и иными нормативными актами. Н. Коллманн пишет, что «московская пытка была ужасна»: перед ней обычно подследственного подвешивали на дыбу, иногда привязывали к ногам груз, иногда трясли, иногда жгли ноги огнем, после чего секли кнутом. Однако она признает, что «никаких изощренных средневековых инструментов», общепринятых в Европе, не использовалось [Коллманн 2016, с. 162–185].

Характеризуя процедуру вынесения приговора, Н. Коллманн доказывает, что подавляющее большинство следствий производилось на местах, а об их результатах и своем приговоре губной староста или воевода докладывали в приказ, который утверждал приговор по делу. Однако «дела о наиболее вопиющих политических и религиозных преступлениях центральная власть обычно брала под свой контроль. Для расследования религиозного инакомыслия она часто направляла специальных сыщиков и целые комиссии, действовавшие через голову местных судей. Центральный контроль заметен и в разбирательствах о “слове и деле”» [Коллманн 2016, с. 221].

Завершается первая часть монографии характеристикой реформ Петра Великого в сферах судоустройства и судопроизводства. Н. Коллманн подчеркивает, что реформы «продолжали тенденцию, заданную в 1680–1690-е годы, по консолидации институтов, законодательному регулированию обычной жизни, более рациональной организации судопроизводства» [Коллманн 2016, с. 234]. Проводилась реформа на доктринальной основе учения о *Polizeistaat* (полицейском государстве), которая обусловила укрепление законности. Н. Коллманн положительно оценивает попытку отделения администрации от суда, осуществленную в 1720-х годах, и на основе анализа судебной практики доказывает эффективность деятельности провинциальных судов.

Вторая часть монографии носит название «Наказание». По мнению Н. Коллманн, создание централизованных государств привело к утверждению принципа легитимного насилия: «Только суверенное государство — через правительство

и его агентов — имеет право наносить ущерб телу гражданина» [Коллманн 2016, с. 266]. В странах Европы были сформулированы цели наказания — искупление, возмещение и устрашение. Те же цели преследовала правовая политика Русского государства в этой сфере: «С одной стороны, использование телесного наказания в России, как и в Европе, демонстрирует притязания государства на социальный контроль... С другой стороны, наказание могло служить собственным интересам общины, избавляя ее от воров, убийц и других правонарушителей» [Коллманн 2016, с. 267]. Н. Коллманн констатирует, что только в Судебнике 1550 г. и губных грамотах санкционировалось широкое применение телесных наказаний, которые заключались в публичном битье кнутом. Соборное уложение 1649 г. и последующее законодательство ужесточили систему телесных наказаний. В XVI–XVII вв. система ссылки как наказания за правонарушение только начала формироваться, в качестве наказания она была добавлена в Соборное уложение 1649 г. за преступления губной компетенции. Членовредительные наказания (отсечение руки, ноги) только изредка использовались как самостоятельный вид наказания. Обычно отсечение уха, носа, урезание пальца на левой руке, клеймение служили идентификационным целям перед отправлением преступника в ссылку. Рассматривая изменения в системе наказаний в годы реформ Петра I, Н. Коллманн выступает против гипотезы Е. В. Анисимова о формировании практики доносительства и зверской жестокости в результате реформ начала XVIII в. По ее мнению, «в наказании большинства преступлений петровские судьи были не более и не менее свирепыми, чем судьи предшествовавшего периода» [Коллманн 2016, с. 334].

Значительное внимание Н. Коллманн уделяет истории смертной казни в России. Она утверждает: «Смертная казнь лежала в основе суверенитета и была центральным институтом для легитимности правителя как защитника социума и единственного обладателя средств насилия» [Коллманн 2016, с. 359]. Историк пришла к выводу, что в России «смертная казнь... применялась в соответствии с принятыми правовыми нормами и установленным порядком в качестве легитимного насилия, спорадически смягчаемого проявлениями милости» [Коллманн 2016, с. 388]. При этом она доказывает, что, «как это ни удивительно, применение смертной казни в России было менее жестоким, чем у ее европейских современников» [Коллманн 2016, с. 8–9]. Анализируя применение смертной казни в царствование Петра Великого, Н. Коллманн приходит к выводу, что «смертная казнь за обычные преступления применялась реже, уступая место принудительному труду и ссылке» [Коллманн 2016, с. 515]. Об изменениях в осуществлении смертной казни она пишет: «...В качестве наказания за наитягчайшие преступления, в особенности коррупцию чиновников, Петр ввел жестокие виды казней, такие как колесование и сажание на кол... Ритуалы начала XVIII в. усиливали театральность» [Коллманн 2016, с. 512–514]. Эти изменения она объясняет европейским влиянием.

Таким образом, исследование Н. Коллманн выполнено в духе англосаксонской правовой культуры, чем обусловлены указанные недостатки ее работы, но вместе с тем и достоинства. Социологический анализ судебной практики привел исследовательницу к ряду обоснованных выводов. Она считает, что «наиболее важным выводом книги является то, что в течение всего Московского периода и в петровское время Россия обладала судебной культурой, во многом сопоставимой с судебной культурой ряда стран Европы... Судьи следовали предписанным судебным про-

цедурам и наказаниям; практика уголовного законодательства была постоянной и непротиворечивой» [Коллманн 2016, с. 7]. Судебная система России «не была сонмищем ничем не ограниченных сатрапий, самосуда или неконтролируемой жестокости; Россия не была страной деспотизма» [Коллманн 2016, с. 536], напротив, «судебная система предоставляла выгоды обеим сторонам: местные сообщества получали защиту от преступности, а государство устанавливало свой контроль над применением насилия» [Коллманн 2016, с. 64].

Источники и литература

- Акишин М. О. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21). С. 95–117.
- Акишин М. О. Военно-судебная реформа Петра Великого // Меншиковские чтения — 2016: научный альманах. Вып. 7 (17). СПб.: XVIII век, 2016. С. 1–33.
- Акишин М. О. Государственная реформа Петра Великого и борьба с разбоями в России // Государство и общество в России XV — начала XX в. Сб. статей памяти Н. Е. Носова. СПб.: Наука, 2008. С. 340–365.
- Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. М.: Языки славянской культуры, 2006. 608 с.
- Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. М.: Территория будущего, 2006. 368 с.
- Власов В. И., Гончаров Н. Ф. История розыскного процесса в России. (Законодательство и практика). Домодедово: Республиканский ин-т повышения квалификации работников МВД России, 1998. 101 с.
- Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России. СПб.: Типогр. Э. Арнольда, 1868. 219 с.
- Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М.: Изд-во МГУ, 1957. 338 с.
- Голубицкий А. Б. Формы судопроизводства и их закрепление в законодательстве России конца XV — первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 26 с.
- Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 228 с.
- Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М.: Юридическая литература, 1985. 200 с.
- Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.
- Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. Т. I. Начала формирования судебной власти / отв. ред. Н. М. Золотухина. М.: Мысль, 2003. 701 с.
- Новомбергский Н. Я. Слово и дело государевы. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. — 624 с.; т. 2. Материалы. Приложение: Колдовство в Московской Руси XVII столетия. — 568 с.
- Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 408 с.
- Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л.: Наука, 1969. 602 с.
- Петров К. В. Соотношение обычного права и закона в русской судебной практике XVI–XVII вв. // Государство и право. 2007. № 7. С. 80–83.
- Петров К. В. Судебные процедуры в Московском великом княжестве в первой половине XV в. // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. Сер. История. Филология. 2014. Т. 13, вып. 8. История. С. 43–50.
- Петров К. В. Судебный процесс после принятия Судебника 1497 г. // Грани русского Средневековья. Сб. статей к 90-летию Ю. Г. Алексева. М.: Древлехранилище, 2016. С. 294–307.
- Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.
- Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. СПб.: Альфа, 1996. 552 с.

Чельцов-Бebutov М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равенна; Альфа, 1995. 846 с.

References

- Akishin M. O. "Obshchee blago" i gosudarev ukaz v epokhu Petra Velikogo. *Leningradskii iuridicheskii zhurnal*, 2010, no. (21), pp. 95–117. (In Russian)
- Akishin M. O. Voenno-sudebnaia reforma Petra Velikogo. *Menshikovskie chteniia — 2016*. Nauchnyi al'manakh. Issue 7 (17). St. Petersburg, XVIII vek Publ., 2016, pp. 11–33. (In Russian)
- Akishin M. O. Gosudarstvennaia reforma Petra Velikogo i bor'ba s razboiami v Rossii. *Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XV — nachala XX vv.* Sb. statei pamiati N. E. Nosova. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 340–365. (In Russian)
- Bogoiavlenskii S. K. *Moskovskii prikaznoi apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vv.* Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2006, 608 p. (In Russian)
- Valdenberg V. E. *Drevnerusskie ucheniia o predelakh tsarskoi vlasti. Ocherki russkoi politicheskoi literatury ot Vladimira Sviatogo do kontsa XVII v.* Moscow, Territoriiia budushchego Publ., 2006, 368 p. (In Russian)
- Vlasov V. I., Goncharov N. F. *Istoriia rozyksnogo protsesssa v Rossii. (Zakonodatel'stvo i praktika)*. Domodedovo, Respublikanskii institut povysheniia kvalifikatsii rabotnikov MVD Rossii, 1998, 101 p. (In Russian)
- Gartung N. *Istoriia ugovnogo sudoproizvodstva i sudoustroistva Frantsii, Anglii, Germanii i Rossii*. St. Petersburg, Tipogr. E. Arngol'da, 1868, 219 p. (In Russian)
- Golikova N. B. *Politicheskie protsessy pri Petre I. Po materialam Preobrazhenskogo prikaza*. Moscow, MGU Publ., 1957, 338 p. (In Russian)
- Golubitskii A. B. *Formy sudoproizvodstva i ikh zakreplenie v zakonodatel'stve Rossii kontsa XV — pervoi chetverti XVIII v.* Thesis of PhD Diss. Krasnodar, 2004, 26 p. (In Russian)
- Demidova N. F. *Sluzhilaia biurokратиia v Rossii XVII v. i ee rol' v formirovanii absoliutizma*. Moscow, Nauka Publ., 1987, 228 p. (In Russian)
- Zolotuhina N. M. *Razvitie russkoi srednevekovoi politiko-pravovoi mysli*. Moscow, Iuridicheskaiia literatura Publ., 1985, 200 p. (In Russian)
- Kollmann N. *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni*. Transl. from English. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 616 p. (In Russian)
- Kutafin O. E., Lebedev V. M., Semigin G. U. *Sudebnaia vlast' v Rossii. Istoriia, dokumenty*. In 6 vols. Vol. I. Nachala formirovaniia sudebnoi vlasti. Ed. by N. M. Zolotukhina. Moscow, Mysl' Publ., 2003, 701 p. (In Russian)
- Novombergskii N. Y. *Slovo i delo gosudarevy*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. Volume 1. Protsessy do izdaniia Ulozheniia Alekseia Mikhailovicha 1649 g. — 624 p.; volume 2. Materialy. Prilozhenie: Koldovstvo v Moskovskoi Rusi XVII-go stoletii, 568 p. (In Russian)
- Nosov N. E. *Ocherki po istorii mestnogo upravleniia Russkogo gosudarstva pervoi poloviny XVI v.* Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1957, 408 p. (In Russian)
- Nosov N. E. *Stanovlenie soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenii v Rossii. Izyskaniia o zemskoi reforme Ivana Groznogo*. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 602 p. (In Russian)
- Petrov K. V. *Sootnoshenie obychnogo prava i zakona v russkoi sudebnoi praktike XVI–XVII vv. Gosudarstvo i parvo*, 2007, no. 7, pp. 80–83. (In Russian)
- Petrov K. V. *Sudebnye protsedury v Moskovskom velikom kniazhestve v pervoi polovine XV v. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. Istoriia, Filologiiia, 2014, volume 13, issue 8, pp. 43–50. (In Russian)
- Petrov K. V. *Sudebnyi protsess posle priniatiia Sudebnika 1497 g. Grani russkogo Srednevekov'ia: sbornik statei k 90-letiiu Iu. G. Alekseeva*. Moscow, Drevlekhranilishche, 2016, pp. 294–307. (In Russian)
- Sedov P. V. *Zakat Moskovskogo tsarstva. Tsarskii dvor kontsa XVII veka*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2006, 604 p. (In Russian)
- Foinitskii I. Y. *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva*. Volume I. St. Petersburg, Al'fa Publ., 1996, 552 p. (In Russian)
- Chel'tcov-Bebutov M. A. *Kurs ugovnno-protsessual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugovnogo protsesssa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuznykh gosudarstvakh*. St. Petersburg, Ravenna, Al'fa Publ., 1995, 846 p. (In Russian)

Received: 13.07.2017

Accepted: 20.11.2017